

Вера Авалиани

ЛЮБОЛЬ

Исполнение мольбы

Люболь

Вера Авалиани
Исполнение мольбы

«Автор»

2016

Авалиани В.

Исполнение мольбы / В. Авалиани — «Автор», 2016 — (ЛюбоЛЬ)

ISBN 978-5-9908287-3-5

Роман «Исполнение мольбы» – первый из серии «ЛюбоЛЬ» – первоначально был сценарием для знаменитого режиссера Наны Джорджиадзе, многократного номинанта на премию Оскар и обладательницу нескольких «Пальмовых ветвей» и «Золотых львов». По сюжету Ангелы героев пытались по велению свыше спасти Софью от врагов, и даже от ее строптивости, но они в конце потерпели поражение: Софья отказалась от мольбы Богу дать ей ее мужчину. И в этом случае ей пришлось бы умереть от рук киллера. Да еще и в полном смысле слова свести с ума от горя влюбленного в нее Клода, с таким трудом извлеченного его Ангелом-Хранителем из еще более рокового брака, чем был у Софьи. А уж нее был брак, так брак – алиби для адвоката бандитов! Ангелы вели Софью и Клода навстречу друг другу с таким трудом и с немыслимыми перипетиями... Плохой конец был не голливудским, но более реалистичным, ведь человек сам наказывает себя, отклоняясь от веления внутреннего голоса. Ангел Софьи в конце резюмировал на примере горестей этой пары, что «любая человеческая жизнь отчасти убийство и отчасти самоубийство. Как и каждая любовь». Но съемки фильма не состоялись по причине экономического кризиса, в котором разорился спонсор проекта. И несколькими годами позже автор сценария – Вера Авалиани переписала его в роман. И концовку не изменила. Но читатели первого романа захотели узнать о дальнейшей судьбе всех персонажей, поэтому появились и следующие из серии «ЛюбоЛЬ»: «Мелодия страсти», «маркиз и Маркиза Ангелов» и роман в романе «Астролюдия».

ISBN 978-5-9908287-3-5

© Авалиани В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Предисловие от автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вера Авалиани

Исполнение мольбы

Предисловие от автора

Все, кому я давала почитать книгу, говорят, что я жестоко обошлась с героями. Но я много раз убеждалась, что каждая смерть – это немножко убийство и немножко самоубийство. И не только тела, но и души.

Пуритане не должны читать эту книгу ни в коем случае. Она может понравиться, скорее, поклонникам «50 оттенков серого». Да, большинство из нас далеко не святые, а кое-кто вообще считает, что с их биографией просить о чем-то высшие силы бесперспективно. Но любой из нас хоть раз в страшный момент жизни обязательно взмолится.

Хочу предупредить, что, как и все мы, я знать не знаю, как происходит исполнение мольбы. Не было у меня никаких озарений по поводу путей Господней – они по-прежнему неисповедимы. Просто я задумалась об исполнении Божьей воли после одного сна, где два Ангела – такие, как описаны они мною в романе, вытащили меня из угольной ямы. Благоговейный ужас и восторг от увиденного заставил меня понять, что существуют реальные небесные силы. До этого они казались персонажами хоть и священной, но все же книги. Но потому, что крылья приснившихся мне Ангелов были похожи на неоновое свечение, на энергетический контур, персонажи сна и показались мне реальными. Для меня их нетрадиционный вид был как бы свидетельством того, что и на небесах все усовершенствуется и модернизируется.

Но совершенно точно одно: написание этой книги перевернуло мое отношение к собственным решениям и поступкам, к делам других людей, потому что я поняла, что то, что выглядит, как наказание, может оказаться спасением. Наверное, только для этого и стоит читателям тоже представить, скольких почти военных операций и невероятных трудов стоит исполнение наших слезных, страстных просьб, чтобы не ставить Ангелам препоны своим неумным упрямством и меркантильностью?

Глава первая

Город живых закончился и начался город мертвых. И если прежде на кладбищах все было более спокойное, умеренное и тихое, чем в городах, то теперь «мегаполис покойников» – иначе это кладбище не назовешь – вполне может реветь бульдозерами, роющими ямы. А снег между оградками заляпан краской и втоптан в грязь, как стройплощадка. Вот и на этом не элитном погосте царили тоска и бесприютность в сочетании с несовместимыми с покоем действиями. А наваленные на могилки камни с фотографиями казались орудиями убийства. Традиционно орали вороны. Но даже они притихли, когда услышали, как кричат друг на друга люди. Обычно родственники и друзья покойных, которым было холодно, тягостно и хотелось скорее покинуть это место, не превращали могилы в поле брани.

Газета на дорожке между рядами могилок и то будто восстала из мертвых, поднявшись частично от порыва ветра, вглядываясь в необычную сцену.

Венки живых цветов вокруг действия смотрелись, свалка декораций. У разверстой могилы недалеко от входа небольшая горстка разномастного народа пялится на драку. И уходить не спешит. Многие из них высокие и мордастые мужчины, которые вообще-то любят разборки, но не ожидали увидеть их у гроба бандитского адвоката. И необычна тут не только публика.

Юная вдова покойного Павла Орлова выглядит более чем вызывающе. На ней алое пальто, так не гармонирующее не только с трауром, но и с лилово-зелеными синяками на лице, с бинтами на голове. И сухими, мстительно горящими глазами какого-то почти фиолетового цвета. Не за это ли напала на нее дама, которой за шестьдесят, видимо, мать почившего. Пару секунд назад, увидев невестку, отходящую от могилы еще до того, как первый ком земли упал на гроб, она кинулась к ней и ударила со всей дури кулаком в грудь, пытаясь отправить в нокаут. Но девушка покачалась и не упала. Тогда свекровь начала мелкими тычками продвигать Софью к краю ямы с уже опущенным в нее гробом. Забинтованная девица все никак не поддается, начинает сопротивляться, и участники преступной группировки Иллариона, не вмешиваясь, наблюдают этот бой без правил. Согласитесь, редко в наших широтах жену будут побуждать прыгнуть на гроб мужа.

– Почему мой сыночек погиб, а ты, тварь, жива! – вопила Тамара Орлова.

– Так ему и надо, – кричит срывающимся фальцетом Софья в ответ.

Признание вины, хоть и очень косвенное, еще сильнее побуждает Тамару, прозванную «Царицей» за корону стоящих надо лбом волос, толка юную хрупкую вдову всем своим колбасным телом в сторону ямы.

Но остальные участники церемонии, выйдя из ступора, кидаются на помощь красной девице. Поддерживаемая цепочкой дюжих молодцов с обеих сторон, Соня – а ей явно не больше двадцати двух лет, переходит в наступление.

– Твой сынок был пьяный и не сел за руль, а то бы мы угробились оба при испорченных тормозах в моей машине – проорала из-за частогокола бритых голов Софья, пытаясь высунуть забинтованную голову над плечами д. жих молодцов. Высказавшись, Соня пошла, гордо распрямившись, к выходу с кладбища, слыша за спиной оскорбления матери бывшего мужа, которые частично заглушал рев бульдозера.

Софья за воротами кладбища распахнула свое алое пальто, не смотря на хмурый морозный день. Покачиваясь на каблуках, не видя дорогу из-за яростных слез, она с облегчением увидела, как мимо бегут машины, через дорогу перебегают парни и девчонки. Они смеются и толкаются игриво. Чужая радость, веселая любовь после пережитого третьего за неделю чудовищного стресса что-то подняли с темной глубины ее души. И почему-то она, ни разу в жизни не молившаяся, посмотрев на небо, прокричала требовательно и горько:

– Да, я, правда, хотела смерти этого «садюги». Но и сама чуть не погибла при этом ... Честно, хотела, чтобы мы оба исчезли – враз. Не получилось...

Предгрозовое небо в это время кажется ей неким огромным лицом с выпуклым лбом, кудлатыми вихрами, тучами щеками и облаками – губами.

– Боже, ты то знаешь, как этот гад надо мной измывался. И мне некуда даже было от него деться. Господи, дай мне мужа! Хочу быть с тем, кто ... настоящий. Отдай мне его!

В словах ее такая ярость, что небо словно прожглось ею. И в том месте, где из туч изобразились губы, вдруг разверзлось что-то.

И сразу же мгновенно возникший портрет будто сравнялся с остальными тучами. Но в просвет мелькнула синева стекла некоего небесного офиса. Снизу он показался прорезями для глаз неба. И откуда-то из еще более высоких слоев голос – спокойный и красивый, властно сказал:

– Дать ей!

И Ангелы выслушали приказ со склоненными головами, почтительно вибрируя полупрозрачными крыльями.

София, приближавшаяся к автобусной остановке, только почувствовала, что будто ей водой прыснули в лицо и фонариком сверкнули. И с ее сердца, словно кто-то отлепил горчичник, который саднил и жег ни один год.

А после этого Повеления, Воли Абсолюта в ноосфере, на три километра выше облаков в небесной канцелярии на экране, зыбко сияющем в воздухе без какой либо опоры или обрамления, появляется сигнал: «Вызов к престолу».

Ангел-хранитель Софьи – с тонким слюдяным или неоновым отсветом по плечам вместо крыльев, тут же взмывает из-за ее плеча в небесные сферы.

Ангелом при Соне оказывается классический красавец лет тридцати, словно подсвеченной сзади головой. Оказывается, нимб – это не головной убор, к чему люди привыкли на новогодних вечеринках, а сияние чистого разума.

Кажется, что энергетические средства передвижения похожи больше на накинутый поверх доспехов рыцаря плащ. И тот просто развевался в воздухе при движении, а потом опал на плечи, когда ангел Софьи приземлился на затвердевшую под его ногами поверхность неба.

Промежуток между тучами тут же сомкнулся. И оказался прозрачной твердой сферой. В этом стратосферном офисе не было столов и стульев, а всю обстановку составляет только взвесь из нано капель воды по центру зала и раскиданы небрежно разной величины фрагменты облаков.

Ангел Софьи делает в воздухе кругообразное движение руками, и между ладонями у него возникает некий виртуальный глобус – объемный и яркий. Еще одно движение – из него словно начинает пробиваться стеклянная разноцветная трава – некие лучи, осязаемые на ощупь.

Ангел крутит этот еж-глобус в разные стороны, как витрину, выискивая нужный ему фрагмент среди индикаторов. Они прорываются сквозь глобус зелеными, желтыми, коричневыми столбиками накала желания. Внизу «травинки» замелькали имена, расположенные как корни. И столбик желания Софьи Орловой вырвался выше всех, и был он раскалено красным. Видно, никто больше на всей Земле в тот момент не хотел чего бы то ни было сильнее вдовы в красном пальто и забинтованным лбом.

Про себя Ангел Софии недовольно бормочет:

– Просто сказать – дать ей! Ведь после такой-то жизни она не может полюбить нормального мужчину. Ей нужен тот, кто тоже... ненавидит секс! Где ж такого найти – это почти не реально среди мужественных мужчин. Гей ей в мужья не годится – он на ней не женится, она ему просто не понравится со своими явными формами. Кастрат ее уже мучил, так что второй раз на эти грабли не захочет наступать. Остается разыскать того, кто полюбит ее так, что готов

будет игнорировать позы своего тела, основной инстинкт, пока не приручит эту уникальную женщину.

Но где такого рыцаря взять? Один – на миллиард, а может еще реже. Но Ангел Софьи повеселел, – Но их уже семь миллиардов-то на Земле, так что, есть шанс у нашей Божественной глобусотеки. Хоть один парный Софье, да отыщется.

Ну, а если нет: что ж, запрограммируем новорожденного в нужном русле. Но это сколько же ей придется тогда ждать исполнения мольбы – лет восемнадцать, пока парень подрастет. Лицо Ангела опять посмурило.

Но тут он еще раз крутанул глобус з, и нашел-таки в Австралии самую высокую и зеленую виртуальную «травинку». «Хочу любви, а не секса» означала она. И была явно мужской и такой же высокой, как сонина.

– Так, зеленая стрелка – это нужный сигнал Бинго!

Как только Ангел Софьи потянул за зеленую линию, словно намереваясь вырвать стебелек из земли, вместо корня вынырнул в офис запыхавшийся Ангел Клода. Хранитель оказался седобровый мужчина с залысинами на лбу, но с сияющими весельем глазами. Он перенял из рук Ангела Софьи луч-рычаг и сплющил его руками до размеров экрана, размял зеленую травинку в некий квадрат – монитор.

– Я слышал Высочайшую Волю. Значит, заинтересовал тебя мой подопечный Клод Тауб.

– Да, он один из всех на свете подходит моей Сонечке.

– Вот и славно. Намучился парень. А вскоре ему пришлось бы сойти с ума – по прежнему сценарию. Впрочем, сам увидишь.

Образовавшийся монитор выдал на свет картинку из прошлого Клода. Подопечный вновь прибывшего оказался пропорционально сложенным красавцем высокого роста, очень спортивным на вид, с широкими красивыми плечами и ярко выраженным вздутием в области паха. Так что Ангел Софьи хмыкнул, указав коллеге на ширинку Клода:

– Явно не тот, кто привык себе хоть в чем-то отказывать в той области, о которой речь.

Ангел Клода вздохнул:

– Ты досе его просмотри. Поймешь, что теперь он к «женщине вамп» на сто метров не подойдет. Вот правильно Бог говорит – «не судите». Ведь ни и у кого, кроме Него нет исчерпывающей информации.

– Ну, давай, включай шарманку. – Поторопил Ангел Софьи. А то у моей подопечной терпение не входит в число ее недостатков.

Видимо, именем старинного музыкального инструмента называли небожители аппарат для прокручивания «лент судеб». На экране прорезалась объемная картинка события в режиме реального времени.

Отличие от видео состояло еще и в том, что жизнь не изображалась на экране, а переносилась в некий трехмерный видеоискатель. Прицел. С его помощью можно было укрупнить какую-то деталь, выбирать из событийного ряда нужный фрагмент.

Итак, фото Клода Тауба перед ликом Ангелов сменилось видеорядом. На нем возник этот голубоглазый шатен, которого если что и портило, то опущенные вниз уголки больших и твердых губ. И еще на его лице запоминался «орел» из густых бровей, словно приземляющийся на нос идеальной формы.

В реальном земном времени Клод был тридцати трех лет отроду.

И наблюдающие с небес стали просматривать его судьбу пока в режиме реального времени, в эту минуту, желая узнать, что происходит с Клодом в настоящем.

А он, одетый в яркую гавайскую рубашку и джинсы с сандалиями как раз выходит из подъезда красивого дома в стиле многоэтажного замка с крошечными башенками по бокам крыши, в котором Клод и женой владеют двухэтажным пентхаусом.

Зеленые ветки-пряди эвкалиптов ласково передирает и расчесывает ветер, трава газона настолько изумрудная, что кажется искусственной. Нельзя не залюбоваться этим чудесным утром.

Вокруг все казалось безмятежным, пока Клод не обогнул группу деревьев с кустами и не обнаружил, что около его дома припарковано слишком уж много машин снаружи. Ночью он бросил свой «Бентли» на полупустой дороге. Но людей не видно. Кроны деревьев смыкаются над тихой улицей.

Но стоило только Клоду толкнуть калитку с витым узором и сделать шаг за нее, как вдруг мгновенно набежала толпа репортеров и папарацци:

– Клод! Вы видели трансляцию чемпионата? Гордитесь женой? – Кричит один маленького росточка журналист, вырвавшийся вперед с микрофоном известного в Австралии телеканала. Его оператор водрузил ему камеру прямо на голову, а тот даже не ойкнул.

– Как вы – два чемпиона – будете жить дальше под одной крышей?

Клод с досадой прикрыл глаза от бликов вспышек.

– Ну, позавчера я ушел навсегда из спортивной гимнастики, стал окончательно каскадером-профи, вступил в гильдию. Теперь буду прыгать с крыш, попадать в автокатастрофы вместо главного героя еще более регулярно, чем раньше. Я больше не чемпион – и жена теперь одна на семейном пьедестале.

Наглый парень в шортах, больше похожих на трусы, отодвинувший коротышку-коллегу себе за спину, сказал издевательски:

– Говорят, она у вас чемпионка не только в беге, но и по прыжкам в чужие койки?

Клод посмотрел на журналогу уничтожающим взглядом. И промолчал.

Парень хотел что-то добавить, но струсил и быстренько уступил свое место дамочке в модном костюмчике мини – явно из какой-то гламурной телепрограммы. Она томно сузила глаза, явно кокетничая с красавчиком Клодом:

– А в постели вместо главного героя тоже вы будете управляться? Или это вам не по силам? Раз жена так ищет приключений, что ее называют секс-чемпионкой, может она не находит чего-то у вас в штанах, а?

Репортер из-за ее спины вякнул, заранее делая шаг назад: на случай, если Клод захочет ответить на его ремарку ударом кулака в лицо:

– Кто станет приглашать каскадером на сексуальные сцены человека, который даже жену не удовлетворяет!

Врыв смеха сотряс толпу шакалов с микрофонами:

– Говорят, бедняжка переспала нынче почти со всеми на чемпионате мира по стрельбе, при этом еще и выиграла главный приз.

Клод напрягся, сдерживая себя. Лицо побагровело от усилий, губы сжались и желваки заходили ходуном. Он снова прикрыл глаза, стараясь скрыть ярость в них. Сквозь жаркий туман в голове мелькали сцены, подтверждающие то, что его жена и впрямь никого и нигде не пропустит.

Он принуждал себя быть справедливым к тем, кто сейчас кидал в него камнями злых слов со всех сторон. И не мог. Он ненавидел весь мир. Разве он виноват в том, что Жизель его позорит? Если эта странная пресс – конференция по поводу победы в соревнованиях или по поводу его проигрыша в личной жизни? Если это моральное побоище продлится еще минуту, маска на его лице просто лопнет.

– Вы-то сами – известный бегун за женщинами или бегун от них? – Уточнила все та же кокетка из «глянца», оправив на груди жабо блузки.

Клод внутренне собрался, просиял белозубой улыбкой на красивом лице так, что вспышки фотоаппаратов защелкали с новой силой.

– Не то и не другое. Зачем иметь много женщин – проще сразу выбрать чемпионку по стрельбе, которая, гарантировано, попадет вам в сердце.

Толпа журналистов рассмеялась и подобрела. Теперь эта фраза будет во всех новостях. Умеет мужик держать удар. Даже если он ниже пояса. Удалось ли ему этой шуткой смыть позор с лица? Почему унижить всегда стараются того, кто жертва, а не виновник измены. Почему к героизму приравнивается обман, а не умение стерпеть измену, чтобы не осиротить ребенка?

С такими мыслями Клод с наигранной небрежностью рассекает, наконец, толпу информационных гиен и садится в свою неприметную машину с тонированными стеклами. Тут же с его лица сползает рекламное спокойствие, и он лупит кулаками по соседнему сиденью:

– Они думают, что я ее люблю. Ее-е?!?!

Перед глазами маска сладострастия жены, заслоненная жирным затылком партнера сменяется маской брезгливости на том же лице, которое обращено к мокрому комочку-ребенку который из нее выпал. Жена рукой отстраняет кроху:

– Я не буду его кормить – это испортит грудь. А она нужна мне совсем для другого.

Ангелы «проматывают» запись его воспоминаний о прошлом дальше, включив режим быстрой перемотки. Теперь все действия Жизель Тауб выглядят комично из-за скорости движения изображений. Но трагизма для Клода не теряют.

Вот Клод застаёт жену пьяной на коврике в прихожей, и не находит нигде сынишку – грудничка.

Он оказывается забытым в ванной: в давно остывшей воде, где барахтается не первый час к моменту прихода отца. Как только не утонул – его Ангел держал головку над водой.

А вот жена Клода Жизель в ресторане отсасывает сперму под столом на каком-то банкете у чиновника от спорта. Скатерть падает, грохоча тарелками об пол, заставляя обернуться туда всех собравшихся на этот звук, усиленный еще и воплем кончившегося мужчины. Тому стыдно, а Жиз вылезает из-под стола, сыто облизываясь и лениво заправляя подрагивающую, почти вибрирующую тугую грудь в вырез платья.

С лицом, застывшим в страдании, как театральная маска горя, Клод в своей машине свернул с трассы к обочине и уткнулся в руль лицом, сотрясаемый какими-то икающими рыданиями. Не только пережитый только что публичный позор и отвратительные воспоминания заставили его впервые после детства выпустить воду из глаз, вымывающую боль...

Ангел Клода тем временем посмотрел, как на врага, на Ангела жены Клода – Жиз.

– Ой, кажется, я пропустил тут какие-то слова этой твоей сильно распустившейся розы. Почему ты скрывал от Абсолюта, что эта гулящая девка заявила: если Клод от нее уйдет, то она убьет ребенка. Подстроит все так, будто ей пришлось взять сынишку на тренировку по стрельбе – не с кем было оставить.

Или уронит малыша с яхты в океан во время шторма.

Ангел Жиз, примчавшийся в спешке в это ограниченное плотными облаками пространство, только прятал глаза и краснел:

– Ну, было такое. Но, в конце концов, она же родила Клоду ребенка, хоть и не хотела никаких сопляков. Она в Тауба неотвратно влюбилась. Это была не любовь, а мания. Она ставила палатку у него под окнами дома. Она купила его маме изумрудное кольцо на день рождения, когда Клод над ней просто издевался. Жиз давала объявления в газету на половину полосы: «Люблю Клода и умру, если он не сделает мне ребенка». заставила его жениться на себе буквально под дулом снайперской винтовки. Она надеялась, что его сопротивление – это пир-ход, невозможно не полюбить такую страстную красотку, как она.

Но в браке Клод ее не полюбил, а возненавидел, отказывался с ней спать. Вот Жизель и мстила за его равнодушие. Мог бы и подыгрывать женщине! Ведь однажды она ему очень понравилась, когда он переспал с ней на каком-то мировом спортивном форуме. И с тех пор она стала им одержима.

Для него этот эпизод ничего не значил. Все женщины после соревнований были в него влюблены. Чемпион с такой фигурой и лицом – парень из рекламы счастья.,

Ангел Клода имел много еще чего, чтобы побить аргумента Ангела Жиз – рыхловатого субъекта с редующими волосами. Но не стал доводить до скандала. Это непрофессионально, в конце концов. Но кое-что не упомянуть было просто нельзя:

– Родила только потому, что пропустила срок возможного аборта. И потом, Клод никогда не мог быть уверен, что это его ребенок. Ее похождения начались через два месяца после свадьбы.

– Давайте взглянем на судьбу малыша. – Попросил пацен-Ангел, приставленный к сынишке Клода.

Ангелы взгляделись в кадры досье до появления маленького Фредди. Да, Клод, похоже, его отец. Влюбленная Жиз не гуляла с кем-то другим в период зачатия плода.

Ангел Жиз почувствовал себя правым, что предало ему мужества. И надо было быть справедливым. Да, он защищал свою подопечную. Но не от Бога же ее защищать, если бесы давно уже ею овладели во многих телах и лицах?

– Да уж, в постели она такое вытворяет... Я, конечно, все время ее внутренним голосом твержу одно и то же – одумайся, иначе станешь не охотником, а жертвой. А внутри ее – только смех: ни слова, ни мысли. Такое впечатление, что она от жизни хочет только чувственных удовольствий. И Клод по темпераменту до нее явно не дотягивал. Он был измучен постоянными приставаниями.

Жизель из себя все хорошее выпальывает насильно, оно ей только мешает получать оргазм. То, что она называет свободой – это явный блуд. Но она так сильно любит неподходящего ей мужчину, что бросить ее еще и мне просто не пристало!

Моя работа по защите Жизель – не для Ангела, нельзя нам смотреть порно. Но не бросать же ее совсем! Это – предательство, отступление. И каждый Ангел решает, стоит охранять изгаженную душу дальше или нет. Вспомним хотя бы Марию Магдалену!

Ангел Клода прервал его оправдания, сверкнув нетерпеливо энергетическим плащом за спиной – Смотри, мы чуть не пропустили на Земле решающий момент биографии подопечных! Скорее, все по своим местам!!!

Участники совещаний на Небесах врассыпную мчатся к своим подопечным, проходя через влажную губку облаков, вызывая шипение от своих горячих не то плащей, не то крыльев за спиной, смог улиц, срезая углы домов, чтобы не допустить, увы, вероятный трагический поворот событий. Точнее, попытаться спасти двух хранимых от смерти или тюрьмы.

Ведь отличие деятельности Ангелов от провокаций бесов в том и состоит, что свою и даже Божью волю они не могут навязывать силой или какими-то нечестными приемами. Человек должен с Хранителями согласиться, когда они ему что-то внушают и начать следовать их советам.

Если же подопечный всегда делает противоположное тому, что нашептывает Ангел – упрямяца просто отпускают на свободу. И отказывается Ангел с охраны только того Хранимого, кто намерено совершает большое зло. Душа покинутого человека как бы выгорает тогда еще при жизни в огне злобы и ненависти. Ведь не напрасно нас призывают прощать – не ради других, а ради сохранения собственной души, чтобы она не покорежилась и не испепелилась от жгучей обиды или ненависти...

Но вернемся к событиям, тем более, что души Клода и Жиз оказались на грани между двумя мирами. Ведь убийство – смертный грех. И тот, кого Ангелы выбрали Софье в мужа, увы, уже был готов его совершить.

...Клод стоит у двери в спальню в родном пентхаусе с отчаянием на лице. В мутном, гадком, аж липком от спермы и пота воздухе комнаты в постели бесстыдно развороченная, как курица перед отправкой в духовку, валяется Жиз. Потемневшие от рвоты золотисто-каш-

тановые волосы ее сбились в колтун. Она с похотливой гримасой, будто команду собаке дает – хлопает себя по внутренней поверхности бедра, показывая, что Клод должен прийти к ней в постель, упасть в липкие объятия.

Клод от отвращения прикрыл глаз, пытаясь остудить свою ярость. Он опустил веки, как занавес над этой непристойной сценой. Он хотел, чтобы так не саднило внутри от разлива желчи или просто от обжигающего стыда за свою жизнь.

– Я совсем не хочу тебя, Жиз. И не потому, что подозреваю, что ты уже заразилась опять от кого-нибудь сифилисом во время соревнований. Для меня твоя всеядность омерзительна. Пресса пыталась меня по поводу наших интимных дел. Ты не устала приносить грязь в нашу жизнь. Сын скоро будет понимать все.

Вместо того, чтобы обидеться или хотя бы возразить, Жиз начала гладить себя между ног, старясь усилить нажим, и почти мучительно постанывая.

– Не рассуждай, ложись на меня скорее. Не получу, что хочу – и твой ребеночек – тю-тю. И не научится он разговаривать.

У Клода мелькнуло желание оторвать этой мерзкой кукле из сексшопу голову, схватить малыша в охапку и убежать. Куда? В лес? Там нет детского питания.

– А ведь она меня никогда не отпустит, – обреченно подумал он. – От такой никуда не уйти. Но, Боже, спаси хоть малыша от нее, спаси!

А подоспевший Ангел Клода, раскинув крылья вширь, как целлофановый плащ, преградил подопечному путь к растерзанной постели и размазанной по ней развратницы – слишком явно прочел в его голове образ куклы с оторванной головой.

И в результате ангельских усилий Клод просто шагнул в сторону и увидел часть своего лица в зеркале, висящем рядом с постелью. И остановился, словно его водой окатило. Он увидел в зеркале на собственном лице свирепую решимость убить. И это его отрезвило: не должен же он, как отец несчастного крохи сесть в тюрьму. Ребенок останется тогда в этом мире беззащитным и одиноким.

– Боже, сделай что-нибудь, освободи меня от нее!

От донесенной на алых волнах ярости мольбы Клода содрогнулись даже много повидавшие наблюдатели в небесном офисе. И оба Ангела-Хранителя – и мужа, и жены, срочно были вызваны на небесный ковер для выволочки.

Правда, вместо ковра под ногами, посверкивая молниями, как неким ярким узором, клубились сине-черные, сросшиеся в единый массив грозовые тучи.

Один – виноватый, другой – встревоженный – Ангелы стоят рядом перед громадным экраном, висящем в воздухе, и состоящем из микро капель воды. На нем в ускоренном темпе проносится словно бы при перематке назад фильма кадры из жизни Клода с Жиз. Некто невидимый то запускают его, то останавливают, теперь слышен звук.

И перед глазами небесных деятелей повисла сцена знакомства тех, кто пришел сейчас, по мнению Высочайшего Престола, к самому краю бездны.

Вообще-то такой анализ «лент судеб» делается, только, когда земной путь душ завершен. Но из всякого правила бывают исключения. Например, теперь, когда роль Клода в этом мире должна была поменяться в угоду Божьей воле.

...Клод с Жиз снимались тогда в одном и том же детективном фильме в качестве каскадеров. Жиз стреляла за снайпера, а Клод перелетал с балкона на балкон на уровне двадцатого этажа.

Клод выполнял трюки вместо актера, который играл роль главного героя. Тот, по замыслу сценариста, заказал снайперу убийство своей жены. А стреляла в цель Жиз.

В шутку она ухитрилась во время съемки сцены с участием Клода, выстрелить не туда, куда должна была, а между расставленных ног каскадера, как раз собирающегося прыгнуть. Дело в том, что Клод переспал с Жизель на проходивших несколько месяцев назад междуна-

родных соревнованиях, не придав этому особого значения. А она на него запала. И ей было неприятно, что мужчина при встрече на съемках ее не узнал! Вот она и пальнула в опасное для парня место.

Клод от неожиданности вскрикнул, увидев выщербленные пулей из бетонного пола искры. Красивая, бесстыжая, с раздувающимися ноздрями Жиз после съемок подошла к нему вплотную:

– Чего ж ты так струсил? Я никогда не промахиваюсь. Дай я проверю, не попала ли тебе между ног (И она запускает ему руку в ширинку джинсов). – Нет, не попала. Но нужно проверить лучше. Как тогда, когда ты со мной переспал, чемпион.

Ленту судьбы притормозили, Чтобы понять, что он чувствовал и думал тогда...

А в мыслях у Клода все было такое, что любовью ни в коем случае не назовешь. И тщеславие, и желание риска, и эпатаж. Что ж, он так же виноват, как и Жизель, в том, что их брак стал борьбой друг против друга.

Звук перемотки прекратился, и на экране материализовалась другая сцена.

Удовлетворенная Жиз лежит поверх Клода голая и обалдевшая:

– Я даже не могу сосчитать, сколько мужчин у меня было, но ты – это то, что я беру в частную собственность. Ты на мне женишься.

Клод небрежно сместил самонадеянную самку с себя.

– Вот уж нет, в постели ты конечно хороша, но я тебе не вещь, чтобы меня брать в собственность. И жить с тобой я не хочу.

Жиз обозлено «закусила удила»:

– А вообще жить хочешь? – полусерьезно, полушутя Жиз целится в него пальцами, как бы из пистолета.

Клод засмеялся коротко и зло:

– Да ты меня шантажируешь?! Убирайся! – жестко парировал растрепанный красавчик, нашаривая под кроватью свои трусы и джинсы.

Жиз усмехнулась: – Смелый, значит. Таким ты мне нравишься еще больше. Но я ведь могу в следующий раз сделать твои яйца не такими крутыми. Отклониться чуть-чуть – ну, сбился прицел. Бац – и ты поешь тенором в церковном хоре. Разумеется, тебе выплатят страховку, меня уволят, может, даже посадят. Но я все равно буду твоей последней женщиной, если ты завтра перестанешь быть мужчиной.

Опять на быстрой перемотке «ленты судьбы» Клода пронесется многолюдная свадьба, показавшаяся веком для мрачного новобрачного. Но супруга его втайне была счастлива. Она надеялась, что приворожит Клода мастерством в постели, а потом привяжет ребенком. И это Мужественное Совершенство станет ее и только ее.

А вот мелькнуло и рождение ребенка – Жиз отпрянула от него, сунув в руки Клода с таким выражением, будто отдала тяжкий долг.

И на этом сколько-нибудь пристойные сцена кончились вовсе. И началось немислимое.

Вот, заехав домой пораньше, Клод застает жену в постели с разносчиком пиццы.

Позже она прямо на глазах у мужа пристает к чернокожему бармену.

В следующем эпизоде драмы Жиз вливает снотворное ребенку в соску с молоком, чтобы тот спал и не мешал ей заниматься сексом. Клод разоблачает ее, устраивает сцену:

– Теперь я понимаю, почему этот ребенок никогда не плачет по ночам! – кричит он, багровея лицом, – Ты делаешь его наркоманом?! Давай разведемся. Я даже готов забрать мальчика, найду ему кормилицу. Ты же все равно спишь со всеми подряд, зачем мы тебе оба, скажи Бога ради! – взмолился он.

Чувствовалось, что он забыл о том, что нужно держать удар и сохранять лицо. Ему по настоящему страшно за этот комочек плоти – Фредди, за эту кроху, который беззащитен перед самым родным врагом – матерью!

А Жиз, между тем, выглядела даже довольной. Словно то, что раньше она делала тайно, став явным, помогло ей почувствовать свою силу.

– Ты мне нужен в постели, – с ядовитой ухмылкой тягучим голосом сообщила Жиз, – А мальчишка был необходим, чтобы приковать тебя к себе намертво, создать уязвимое место в твоей броне. Пусть живет карапуз, пока ты мне не надоешь. А станет наркоманом или дебилом – еще лучше. Когда-нибудь, по глупости, выйдет в окно с двенадцатого этажа вместо двери. Или умрет как-то еще – ну, ты же знаешь, какие бывают способы избавиться от балласта? Бросить в море с яхты, уронить в колодец. Утонуть в ванне. Ты ведь пару раз в детективах снимался.

Клод в ужасе шарахается от нее. Он идет в бар и пьет, соображая, что же делать. Лицо его искажено настоящим страданием и безысходностью.

Ангелы опять перешли к другому экрану, где события развиваются в реальном времени.

...И залегшая над складками между бровями морщинка таким выпуклым коромыслом, говорит о том, что кроме отчаяния ничего ему не светит. Похоже, что все клубы дыма, которые испускают посетители бара из своих сигарет, скапливаются над ним одним, показывая, что мозг перегревается от безысходности и вот-вот что-то изменится в нем настолько, что он перестанет останавливать себя на краю той черты, за которой точка невозврата – будь то сумасшествие или убийство...

– Пора уйти от жены. Взять только банковскую карточку и паспорт, схватить малыша в охапку и уехать. В полицию заявить на эту развратную дуру, пусть ее упрячут за решетку.

– Но что если она пойдет ва-банк и ничего не побоится, просто желая настоять на своем, как она всегда и поступает?

Клод возвращается домой из бара пешком сквозь почти штормовой ливень. Ему не хотелось ехать на машине, чтобы попасть домой, когда ненавистная стерва уснет.

Струи хлещут в лицо, размывая предметы до акварели. Размытые фонари только резче подчеркивают почти горизонтальное направление струй выплесков из туч. Входит он в дом, мокрым до нитки. Стягивает туфли, но и голые ступни чавкают по полу – настолько намокли брюки.

Но нет времени переодеваться. Его гонит страх, который возник еще в баре. Надо проверить, в безопасности ли малыш.

Клод с тревогой заглядывает в комнату сынишки. Его там нет. Мужчина обыскивает весь дом. Ребенок будто исчез. Его не видно и не слышно.

Жиз спит в пьяном угаре, распространяя в комнате похрюкивание и вонь. Клод яростно тряс ее за плечи, бил по щекам, но она только вяло отмахивалась, не отвечая на его вопросы по поводу Фреда.

Но Клод не унимался, и, наконец, она досадливо в полусне показала рукой на дверь балкона. Та была плотно прикрыта и завешана синей шторой, что для спальни пьяной Жиз не очень характерно. Видно, шум дождя ей мешал. Или...или мешал другой шум – плач ребенка, например?!

Похолодев спиной от тревожного предчувствия, Клод выскочил на открытую террасу пентхауса. Так и есть! В открытой коляске, по горло в воде, лежит малыш и уже хрипит, поскольку уже не может даже плакать. На него как из ведра хлещет ливень.

Буквально выхватив малыша из коляски, как был, без ботинок, в мокрой одежде, забыв о том, что есть телефон, что можно вывести из гаража машину, Клод помчался по колена в воде вниз по горбатой улице, немного нависнув, скрючившись, насколько возможно, над ребенком, чтобы дождь не так сильно по нему хлестал.

Малыш был горячим, как огонь. Это чувствовалось даже через мокрые одежды. Волосики на лбу образовали странный узор: словно мишень, только наполовину стерлась. Одна мысль об этом придала прыти отцу.

Вдруг это стало самым важным – успеть спасти этого мальчишку, на которого ни один из родителей много времени не тратил.

Клод ведь осознал, что и он сам тоже виноват в том аду, в котором родился малыш.

Жар этого маленького колотящегося в хрипах тельца не мог остудить ни ливень, не ветер. Но могла погасить смерть.

Клод ворвался в приемный покой большой стеклянной снаружи больницы и буквально прижал собой к стене проходившего врача, бормоча угрожающе «помогите».

– Но у нас больница для взрослых, мы не можем принять ребенка.

Врач – пожилой и жалостливый, имел алый след от подушки на щеке. И желание его начать лечить того, кого ему не полагается, было минимальным.

Но он вроде бы все же склонялся к тому, что нужно сделать исключение. Уж больно сильно хрипел мальчик на руках у промокшего отца.

– Он умрет, если сейчас ему не ввести антибиотик, доктор. Умоляю, умоляю или угрожаю – на ваш выбор. Но сделать это вам придется все равно.

Ангел доктора Радзински надавал своему подопечному крыльями по физиономии, заставляя окончательно проснуться и начать действовать.

Доктор все еще медленно набирал лекарство в шприц, потом высморкался, пробурчал что-то.

– Что?! – заорала в ответ отец, у которого даже руки тряслись от страха за сынишку.

– Я спросил, что с ним случилось, с малышом.

Клод попытался сформулировать мысль как можно короче: – Ребенок лежал в холодной воде в коляске на балконе, а его мать пьяная валялась в постели, закрывшись от его воплей дверью на террасу.

Кажется, слова оказались верными. Клод перестал быть для этого на все насмотревшегося врача папашей – паникером, он стал его соратником по борьбе с женами, страдальцем.

Поэтому укол был сделан быстро. Медсестра привезла каталку, потом увезла мальчика вглубь помещения. Врач крикнул ей вслед: – В реанимацию. И присмотрите за ним. Не надейтесь на помощь матери. Похоже, ее у него нет.

Клод встрепенулся: – Еще есть. Но если сын умрет и ей не жить, хоть она и чемпионка по стрельбе. Клод шел вровень с каталкой до двери, намереваясь оставаться возле сына. Малыш дышал с присвистом, будто что-то внутри у него порвалось или ему, как резиновому пупсу, вставили внутрь «пищалку».

От аналогии с неживым пупсом Клоду стало еще хуже. Он принялся обмозговывать: надо ли позвонить в полицию или в какую-нибудь социальную службу, чтобы они сейчас же приехали и застали Жизель в том виде, что и он. Тогда можно взять у них подтверждающий ее недостойное поведение документ, присовокупить у нему выписку из истории болезни сына, отсюда, из больницы. Тогда Жизель точно лишат материнских прав.

Но то, что никто ее не лишит умения стрелять – это точно. А, значит, жизни Фредди и Клода всегда будут под угрозой из-за несомненной мстительности Жиз.

К;аталку довели до реанимационного отделения. Клод хотел войти и туда. Но врачи оттолкнули встревоженного отца от двери:

– Вы не должны путаться под ногами, и мешать нам действовать быстро. Уйдите сейчас и вернитесь утром. Оставьте ваш номер телефона на рецепшн, если ситуация станет критической, мы вам позвоним. Клод не стал тратить время врачей на борьбу с ним, когда от скорости их действий зависит жизнь его сынишки.

Так что Клод заставил себя выйти на улицу, где все еще лил дождь, но уже начинало светать. Он решил вернуться в дом, забрать свою машину из гаража. Он в панике не догадался ее использовать для доставки малыша в больницу. Он хотел быть в шаговой доступности от клиники. И самое разумное сейчас – это, сидя в «Бентли» у больницы ждать новостей. А,

дождавшись вестей о состоянии мальчика, можно будет поехать в какое-нибудь агентство и снять квартиру.

Маленький Фредди лежал под капельницей, пристегнутый ремнями к постели. Ему второй раз за час вводили антибиотики. Его Ангел в это время помчался за советом к коллегам. Он верно рассудил, что в этом конкретном случае речь о состоянии здоровья малыша должна идти на Высшем совете.

Ангел Фреда сам был еще мальчишкой. Его двенадцатилетний прототип – миловидный подросток – ехал перед своей смертью по велосипедной дорожке, когда на нее вильнул автомобиль с пьяным водителем за рулем. Мальчика сбросило с велосипеда, и череп его раскололся. Убиенный тинейджер тут же попал в рай. И Фредди – его первый Хранимый.

Уроки старших коллег Ангел без стажа учил, но не все еще усвоил досконально. Поэтому Ангел Фреда и кинулся вслед за сопровождающим Клода его Хранителем. Ангелочек робел, но понимал, что сейчас – час, когда решается участь его малыша.

Ангел Клода жестом подбодрил младшего собрата. И тот решился на смелый шаг.

– Дело в том, что по сценарию Фредди должен сейчас умереть, ведь у него все равно с такой матерью без отца не было шансов выжить. А отца он должен был лишиться, ведь тот пристрелил бы Жиз. Но ведь теперь участь Клода переменялась, может, и его сынишке дадут шанс?

– Так спроси об этом не у меня. Это вопрос к Господу. Сообщи хотя бы Архангелу Рафаилу срочно по интуифону. Он на небе ответственный за излечение от болезней.

– Но я же не могу улететь в такой момент от моего подзащитного.

Ангел Клода, поворчав что-то неразборчивое про молодежь, раздвинул сам пальцы указательный и средний на руке начинающего Хранителя и поднес пленку, натянувшуюся между ними к лицу Ангела Фредди.

– Говори скорее, только представься, и сразу запроси милостивого совета Архангела. Мальчик-Ангел, зажмурившись, вызвал на связь самого Рафаила, быстро изложил суть проблемы.

Рафаил озадачился не меньше. Исполнение Воли Абсолюта важнее всех других многочисленных просьб к нему от представителей человечества. Поэтому он сам мгновенно прилетел в больницу, на ходу обсуждая суть дела с Абсолютом.

При подлете к клинике и приземлением прямо в реанимации, Архангел сразу стал внушать врачу желание вставить в плевру мальчика трубку для отсоса жидкости. Потому что врач, введя антибиотики, решил пока больше ничего не делать. В том числе и рентген. Архангел же увидел проблему сразу.

Доктор, озаренный догадкой, соскочил с кушетки, на которой расположился рядом с необычным для их клиники пациентом, и бросился выполнять процедуру, после которой малыш стал дышать ровнее и чудовищная боль у него прошла.

Архангел Рафаил всеми своими шестью крыльями нагнетал очищение воздуха вокруг больного малыша. Никто не удосужился окно открыть при выключенном кондиционере в реанимации. Надо высказать все Ангелу главного врача, подумал Рафаил.

Ангел Фреда тоже стал желать пассы вслед за высшим коллегой. Это выглядело, как колебание в воздухе чудесного цветка с прозрачными розоватыми всполохами на лепестках. И было очень красиво. Если бы кто-то это видел, конечно, кроме младшего Ангела. От их священных пассов малыш порозовел, открыл чудесные яркие глазки. Приятно уметь совершать чудеса. Архангел Рафаил облегченно вздохнул. Ведь Божья воля в отношении судьбы крошки Фредди переменялась. И он обрел второй шанс.

Архангел потрепал по мальчишеским вихрам милого Хранителя Фреда:

– Молодец, Ангелочек, хорошую идею подал на счет переписывания судьбы малыша. Садись за сценарий. Сперва согласуй его с новыми судьбами Клода и Софьи, потом найди ему дело в жизни, так чтобы он мог его делать по мере сил и способностей. Ну и прочий антураж.

– И жену будущему Фреду искать?

– Жену не ищи. – Лицо Рафаила погрузнело, – У него навсегда в сознании останется страх иметь детей, потому что им так всегда плохо и больно. Он не захочет, чтобы кто-то от него родил. Да и дальнейший род тогда пришлось бы выписывать во втором поколении. А людей итак уже столько на тесной планете, что скоро есть всем нечего будет... С этими словами Архангел взвился вверх и отбыл по делам.

Глава вторая

В небесной канцелярии Ангел Клода присел на ту же тучу, где угрюмо понурившись, сидел Ангел Жиз. Туча-кресло, просев, превратилась в тучу-диван. Рядом плюхнулся, вспарив на миг над диваном, Ангел Софии.

– И что делать будем.

Ангел Клода не стал пожимать плечами:

– Не ангельское это дело решать. Скажут – выполним. – Он хорошо знал все предписания по исполнению Воли Божьей.

– Уже сказали. Придется нам с тобой срочно переписывать сценарий дальнейшей жизни Клода и будущего Софии, пока все угомонились. А то пока действует деструктивный путь развития.

Переформатируем ладони у обоих, изменим линии жизни и судьбы. Ну, и будем в тандеме разруливать новые обстоятельства. Придется организовать их встречу и брак, прописать долгие годы совместной жизни. Ведь по прежним предписаниям оба они умирают вскоре, так и не узнав любви.

– Да, я успел до твоего прилета глянуть одним глазком на ксерокопии рук Клода и его жены – очень тяжелый конец сценария. Клод по прежнему предписанию должен скоро убить Жиз, чтобы она не пристрелила его самого и не погубила их ребенка. Клода полицейские не найдут. Но он сойдет с ума от содеянного, и в приступе безумия попадет под машину. Это отменяется. Теперь надо Клода каким-то образом доставить к Софии, там принять меры против убийства Сони киллером, нанятым ее свекровью. Ну и придумать, как поменять на счастье несчастье.

А...а Жиз, что будет с ней?! в голосе ее рыхловатого Ангела-хранителя звучала печаль. Весь он еще больше обмяк. Все же и Ангелы, как иные терпеливые мужья, привязываются к тем стервам, которых Бог послал. В прямом, а не переносном смысле слова.

Ангелу Клода стало не по себе. Ему ли не знать – в этом случае чье-то спасение – это чья-то гибель. Хорошо еще, что перед Ангелами не стоит моральная дилемма. Их-то шеф точно не ошибается, он абсолютно справедлив в своем решении кому что дать, а у кого что отнять. Но Ангел Клода не стал читать коллеге мораль, а просто утешительным жестом похлопал его по плечу:

– Мы ничего не будем больше делать с Жиз. Подчеркиваю – «Мы» – ничего. А просто ты покинешь ее, оставив тому, кого она через слово поминает – нечистой силе.

Ангел Жиз заплакал, поскуливая.

– Я должен был хранить ее лучше, – он словно порывался броситься на помощь, размахать крыльями ядовитые пары вокруг своего бывшего охраняемого объекта.

Но она этого не хотела, делала все вопреки внутреннему голосу. И совершила столько зла; словом и жестом остановил его Ангел Клода.

– Тебя приставят совсем скоро к новорожденной девочке, у которой на руке похожий след борьбы против всех – не подкачай с ней, используй накопленный с Жиз опыт, чтобы такое не повторилось.

Ангел Жизель тяжело захлопал крыльями, медленно и по какой-то корявой траектории улетаая с собрания с потухшими энергетическими крыльями. Будто наказывая себя, он завис под холодным мелким дождем, морозящим над огромными волнами Атлантики. Так, когда-то человеком он вставал под холодный душ, когда его лупила толстая, огромная, как гренадер, жена и ему было больно. Но он терпел, потому что любил общего мальчика. И, в конце концов, супруга забила насмерть прототип Ангела. Поэтому именно его и пристроили к Жиз, поскольку он «на своей шкуре» узнал «схожий материал». И вот – опять поражение.

Он кинулся на соседнюю тучу, как другие в разобранную постель и зарыдал, пытаясь стучать кулаками по столь непрочному материалу, как пар в воздухе...

– И все таки я останусь пока при Жиз в качестве хотя бы наблюдателя.

Ангел Клода долго смотрел вслед Ангелу – неудачнику, но потом собрался с силами и переключил внимание на того коллегу, с которым теперь придется работать в паре.

А тем временем классический красавец – ангел Софьи – чуть резковатый малый, попавший в Ангелы из одного парня, который поймал на тротуаре выпавшую из окна малышку, и сам погиб от удара об асфальт под ее тяжестью, согласовывал действия с Ангелом Клода:

– Но таких мужчин, какой Соне понравится, во всем мире даже не один процент, а один человек! Он не должен быть нормально функционирующим мужчиной, но при этом секс любить не должен, ему нужно уметь жалеть и спасать, не будучи Ангелом. И среди искомых типов только твой Клод в несчастливом браке с плачевным концом. Так что выбор Престола очевиден, его кандидатуру утвердили.

– А согласований сколько! Ужас! Может, пусть Клод эту свою Жиз сперва убьет, а потом мы его извлечем из прежнего сюжета? Вот уж демонстративный случай, иллюстрирующий поговорку: «ее легче убить, чем убедить».

Ангел Софьи задумался над этим поворотом сюжета в освобождении Клода для Софьи.

– Нет, нельзя. Он сойдет с ума от этого. И к тому же Софья после всех ужасов своей жизни не решится довериться мужчине, который свою жену убил хотя бы случайно. Ведь ей предстоит оказаться на ее месте.

Но тут, запыхавшись, на совещание вернулся озаренный идеей Ангел Жиз:

– Ребята, ну давайте как-то так все разрулим, что я за Жиз присматривать останусь. Нравится мне эта чемпионка. И пусть она никого не убьет, как это планировалось! Жизель же любит Клода, как ненормальная.

– Почему «как» – она и есть ненормальная, – прокомментировал идею коллеги Ангел Клода. – И ее судьбу переписывать причин нет. Или... О, Боже, мы чуть не проворонили!!!

Эта Жиз сейчас попробует Клода пристрелить!

Ангел Софьи встрепенулся: – Попробуйте сделать, чтоб Жиз никого не убила. Когда там может произойти инцидент? – Да минут через пять.

Ангелы всполошились и повскакивали, накачивая крылья плотностью: так они словно бы надевают бронезилет перед операцией. Может, собой придется Хранимого заслонять от пули.

Все трое Ангелов панически разлетаются за спины своих клиентов, но продолжают на ходу координировать свои действия, приставляя ко ртам раздвинутые в знаке победы пальцы, между которыми раздвигается мембрана, похожая на пленку от мыльного пузыря.

Хранитель Клода, быстро внушая своему подзащитному, что Жиз его не убьет. Пусть одумается и не стреляет в женщину. У него в бельевом комодке спрятан пистолет.

– Лучше своей снайперше внедри в голову мысль: надо сказать что-то нейтрализующее.

– Но что!!!

– Что она не хочет в тюрьму, например.

Ангел попытался. Но Жиз только упрямо замотала головой, не вняв совету.

Тем временем, вернувшись из больницы за своими вещами, Клод входит в спальню. Это место – плод больной фантазии дизайнера интерьеров, которого в свое время выбрала Жизель, заслуживает отдельного описания.

Спальня изначально планировалась, будто специально для того, чтобы сделаться самым фотогеничным местом трагедии. Этаким лакомый кусок для фото и видео криминальной хроники. На этом фоне кровь не была бы видна: красный пол, стены, одеяло в красно-черную клетку, лампы в виде двух скелетов со светящимися черепами. Ну и комоды в форме гробов, обитых черным бархатом. Клод сказал, что спать в этой комнате он не будет, и перебрался в детскую. Заодно и к ребенку удобнее было вставать.

К одному из комодов-гробов сразу же и подошел Клод с большой сумкой. Ведь ему для переезда на другую квартиру необходимо было собрать свои вещи.

Он с грехотом выдвигает ящик странного комода. И под кружевными трусиками, которые назло ему жена регулярно клала в его отделение, находит револьвер. Он брезгливо вышвыривает воздушное кружево на пол.

В этот момент жена его открывает глаза на огромной кровати, и похотливая гримаса сменяется испуганным выражением лица, хотя она не видит револьвер – он за спиной мужа, но лицо у нее сделалось подозрительным:

– Мне приснился сон, что ты хочешь меня убить. И я видела в комодке твой пистолет.

Клод не замечал раньше за Жиз проблемсков ясновидения. Хотя его мысли она читала, как открытую книгу, иногда не приходилось ей ничего говорить. Поэтому то, что она вытворяла во время их брака, могло быть намеренно провокационным. Непониманием тут и не пахло. Говорят, что очень любящие улавливают все импульсы, идущие от любимых. Видно, и от ненавидимых – ненавидящие – тоже...

Клод от слов Жизель вздрагивает и оборачивается, оставив револьвер лежать в ящике:

– Ты же знаешь, что я хочу, чтоб тебя любым способом не стало. Особенно потому, что вчера вечером я оставил крошечного пацаненка в отделении реанимации. Крупозное воспаление легких, плеврит. Да что там – он чуть нее утонул в коляске, куда налил дождь. Умоляю, не доводи меня до того, что я тебя пристрелю: оденься и уйди из дома. Я не хочу в тюрьму, я нужен сыну.

Жиз, осознав, насколько все серьезно, немного испугалась и стала придумывать ложь во спасение.

– А вот я не смогла бы тебя убить. – Фальшивым голоском маленькой девочки произнесла она, – Да, я могу убить кого угодно. Но любовь – она ведь сильнее смерти.

Муж идет к кровати и, наклонившись, трясет Жизель за плечи:

– Не люби меня! Я не могу тебе ответить тем же. Ты – чудовище. Я устал. Мы с тобой играем, как в плохом фильме никому не нужные роли. Ты живешь со мной из упрямства, чтобы доказать, что ты можешь вертеть сильным мужиком. Но терпение лопнуло – я ухожу.

Жиз вскакивает с кровати и гирей виснет у него на спине, поджав ноги. Что это – объятие или прием вольной борьбы?

Но Клод в гневе с силой расцепляет кольцо ее рук, и с некоторого расстояния кидает Жиз на постель, как ненужную вещь из шкафа: раздраженно и походя. И продолжает втискивать свои вещи в сумку.

– Но что на тебя нашло? – искренне недоумевает Жиз, – Поправится твой ненаглядный сыночек – Для Жиз ребенок ценностью никогда не являлся. И дальнейшие предположения она начинает строить, исходя из своих приоритетов: – У тебя есть другая?! – разоблачающим тоном начинает канючить Жизель. Сразу понятно, что всерьез о сопернице она не думает. Если на то пошло, если кто-то в мире и владеет сердцем этого мужчины, то это крошка Фредди. И именно от него Жиз всегда пыталась избавиться.

Не совсем намерено, но и не случайно она пыталась утопить малыша с самого рождения.

– У меня никого нет. И ты это знаешь, – выйдя из себя, заорал Клод на жену. Ему очень хотелось избить ее руками и даже ногами. Жиз слегка обескуражена таким заявлением: – А я? Я – то у тебя есть!

К-сожалению. Он взял себя в руки с таким трудом, что понял – надо убираться подальше отсюда.

Клод переходит от комода к встроенной кладовке и скидывает в сумку детские вещи и памперсы:

– Ты не моя. Не моя!!! Мы мучаем друг друга. Ты – секс-символ, чемпионка по стрельбе, я – еще лучше. Я герой по профессии. Но формула, которую мы образуем вместе – очень

ядовита. Мы больше не увидимся – надеюсь. Только попробуй оказаться за сто метров от меня, и я подам на тебя в суд за то, что ты чуть не утопила малыша. И ты сядешь в тюрьму!

Жиз упрямо сдвинула брови: – А как же клятвы про то, что только смерть разлучит нас? Я готова обеспечить тебе такой вид разлуки. Лицо ее сделалось похожим на лицо Медузы Горгоны. Она готова взглядом превратить в мужа в камень. Он, не оборачиваясь, почувствовал ее злую энергию:

~~Если ты нас с сынишкой найдешь – я тебя убью первым. Я уже был готов сделать это. Жаль оставлять малыша одного, отправившись в тюрьму за убийство. Клод хватается сумку и, не оборачиваясь, почти выбегает из квартиры.~~

Жиз возмущенно соскальзывает с кровати и заглядывает в ящик комода. Пистолет остался лежать там. И на нем отпечатки Клода! Изобразить что ли его самоубийство?

Жизель берет оружие в руки, и босиком и голая, устремляет за мужем, сбегавшим вниз по лестнице их двухэтажного пентхауса к входной двери в квартиру.

– Так чем же ты меня убьешь, когда я тебя найду, – хищно улыбаясь, Жиз вертит в руках смертоносное устройство, которое кажется продолжением ее руки. И вся она для Ангелов становится в их глазах цвета пистолета. Черная изнутри.

Ангел Клода посмотрел сочувственно на Ангела Жиз:

– Ну что, убедился в том, что она уже давно не наша?

И тут Жиз прицелилась спускающемуся по лестнице Клоду в висок.

Ангелы обмерли. Кинулись закрывать Клода, сбивать пулю с курса. Получилось! Чемпионка промазала! И пришла от этого в ярость.

– Ну, делать мне после ее попытки убийства больше нечего, – прошептал Ангел Жизель.

Ангел Клода на этих словах встрепенулся, даже вспорхнул:

– Подожди. Последний раз попробуй на нее воздействовать. Вводи мегере в сознание мысль, что ее выстрел услышали соседи, и они скоро вызовут полицию.

Ангел Жиз просиял всем телом, делая пассы лицом в сторону своей подзащитной. Но возле нее энергетические крылья подпалились, и Ангел их отдернул.

– Нет, она настроена на то, чтобы повторить попытку и попасть в эту движущуюся мишень. Внутри Жиз только алая ярость – даже без слов...

– Что ж, обойдемся своими силами., – решительно взялся за дело Хранитель Клода, тут же ринулся внушать подопечному в три прыжка выскочить за дверь и нестись, что есть мочи.

Жиз вслед за мужем несется по лестнице с ованными перилами и пытается взять его на мушку среди переплетений узорного железа, в просвете между лестничными маршами из серого мрамора. Но мужчина несется, не оглядываясь, но вот приостановился на секунду – шнурок развязался.

Жиз прицелилась в голову, выстрелила, но Клод в это время еще ниже нагнулся над ботинком. Естественно, это Ангел его пригнул, буквально усевшись с размаху на голову подзащитного.

После этого Клод почти на корточках выскочил с лестницу в прихожую, за ней вызвал лифт. Жиз попыталась просунуть руку между его закрывшимися створками и снова выстрелила. Пуля срикошетила и едва не угодила в мужчину.

Но вот, наконец, Клод внизу современного замка и за его спиной щелкнул замок входной бронированной двери.

Ангел Клода даже за сердце схватился: – Чуть не упустили ситуацию. Интересно, что бы нам было за неисполнение мольбы.

Ангел Жиз все еще не ушел, понуро ожидая развития событий:

– Срочно пришлось бы искать кого-то другого для Софьи, – он устало пожал плечами. Крылья его потухли, посерели, весь он словно бы «сдулся».

– Я во всем виноват. Но почему мы не можем на этом свете так изменять людей, как на том. Почему всех не забрать из этой грешной реальности!

– Ну как почему – на том свете души – закрытые файлы, а на этом – открытые. И люди отчасти могут их корректировать. Для душ жизнь на Земле своего рода тест-драйв.

Жиз, тем временем, услышав, как гулко отозвался выстрел на лестничной клетке, резво заскочила обратно в квартиру, тихо прикрыв дверь. Не бегать же ей голой по улице! Итак, соседи слышали стрельбу. И что сделает муж? Вызовет полицию? Просто скроется?

Она заметалась по квартире, пучками вытаскивая белье из комода, как зелень из грядки, захлопала ящиками и дверцами сейфа. Словно в некоей игре – что успею собрать, с тем и останусь – она пыталась рассовать по двум большим багажным сумкам, которые в прыжке, как баскетболист, сняла с антресолей.

Ангелы мрачно наблюдали этот балет одной актрисы, развернулись и удовлетворенно испарились из комнаты.

Ангел Клода прикинул, что ему давно пора за подопечным лететь, направлять его мысли в сторону того, чтобы он не спустил инцидент на тормозах, а обязательно заявил в полицию. Но испуганная, с ярко пылающими щеками Жиз была так красива, что нельзя было не понять ее Ангела, не желающего отступить от этого почти рокового лица.

Красавица (она же Чудовище) Жизель, выволокла сумки из дома. Она окинула прощальным взглядом садик и фасад многоэтажного замка. Вспомнила, сколько надежд испытала, приехав сюда с мужем после свадьбы. Заодно подумала, каким стильным Клод был тогда. Правда, лицо новоиспеченного мужа было грустным. Но это выражение так шло ему.

Очнувшись от внезапной вспышки ностальгии, Жизель поправила шов на юбке, который сдвинулся при одевании впопыхах, ту же затынула плащ. Плюнула на ладони и пригладила волосы. Хотя лицо с подтеками туши и размазанной помадой все равно не могло никого ввести в заблуждение на счет нормальности этой женщины.

Первое побуждение беглянки было: взять свою машину из гаража под домом и помчаться, куда глаза глядят. Но Жиз достаточно посмотрела фильмов о работе полиции, чтобы знать, что именно автомобиль ее и выдаст.

Ей надо поймать попутку – такси не устроит, ведь придется скрываться, а водителя можно допросить. А вот влюбчивого старичка с автомобилем на дороге бы подцепить не помешало, – мечтала Жиз, идя к сколько-нибудь большой дороге, потому что между высотными домами в их районе поймать попутку было проблематично.

Жизель просто спиной чувствовала, как одна из пожилых соседок смотрит ей вслед с испугом. Но не стрелять же в нее за это?

Но соседка-то свидетель... чего – свидетель! – вдруг обрадовалась Жизель: – убийства-то не случилось!!! Она ведь в Клода не попала! Тогда зачем вообще бежать?!

Но возвращаться не хотелось, хотя волочить сумку ей уже надоело.

Как вдруг из-за деревьев на повороте дороги показалось такси с зеленым огоньком.

В машине сидел похожий на гамадрила тип – с волосками в носу и ушах. Большой и вонючий.

Но Жиз это не смутило, а обрадовало. У такой обезьяны не может быть постоянной женщины. Нужно его соблазнить и обосноваться у него в берлоге. То есть, как там называется место, куда на ночь скрываются обезьяны.

– Едем или нет, – тем временем прокуранным голосом поинтересовался человекообразный.

– С вами – хоть на край света, – кокетливо ответила Жиз. И села на переднее сиденье, намеренно позволив юбке задраться, а плащу распахнуться на голой груди.

– На край – так на край, – неожиданно поддержал ее шутку водитель.

Ангел Жиз, увидев это, крикнул вслед уносящемуся Ангелу Клода:

– Ой, затормозил по ее просьбе странный таксист. Мужик он по виду зверский. Боже, он, он... – Захлебывался словами в свой интуифон бывший Ангел Жиз.

– Ну что он? Спроси о мужике того, кто за ним стоит. – Посоветовал в ответ Ангел Клода по громкой связи.

– А никого рядом с таксистом нет. И черно, как в аду, вокруг него.

– В смысле, его ведут Те?!

– Он, он – маньяк!!! Он ее собирается убить.

Ангел Клода притормозил, вибрируя крыльями на холостых оборотах, размышляя, не повернуть ли обратно к Жиз. А потом сорвался с места лихорадочно – Прощай, друг! Мне срочно надо Клоду алиби обеспечить, раз таксист Жиз убьет. А то еще подумают в полиции на него, что сам грохнул жену. А Жиз...туда ей и дорога.

– Как ты можешь так говорить – ты же Ангел, – прошептал вслед ему бывший Хранитель Жиз.

– Кто сказал, что Ангелы всегда добрые. Мы – объективные.

Под воздействием манипуляций зависшего над Клодом его Ангела мужчина тормозит у обочины малолюдной дороги, берет телефон в руки, выходит из салона своей сияющей машины, и присев на капот, набирает номер полиции. Там занято. Повторяет. Пальцы не сразу попадают по нужным кнопкам. От жары все вспотело. Неприятно пахнет потом, как то по – другому, чем обычно.

– Страх так воняет, решил Клод. А раньше у него не было случаев так испугаться, не смотря на работу каскадером.

Над оливковой рощей слева от дороги, нещадно палит солнце. Воздух колышется от жара, как над костром, над нечетким полотном дороги.

Сюда Клод добрался почти мгновенно. Хорошо, что вывел машину из гаража заранее.

Он уже позвонил по дороге в отделение реанимации больницы, и ему сказали, что Фредди перевели в обычную палату, ему стало намного лучше. Поэтому туда заезжать Клод не стал, торопясь до вечера найти квартиру для съема. Нужно же будет куда-то привезти малютку, когда его вылечат.

И тут произошло соединение с полицейским участком. И Клод попросил прислать наряд по адресу, где в него стреляла жена.

С чувством выполненного долга он вернулся в машину и уверенно порулил в сторону центра Сиднея.

Надо было купить газету с объявлениями. Ноутбук свой он в спешке не взял с собой, так что на Интернет надежды мало.

– Эх, а там – столько информации, фотографий. Ничего, если повезет, вернусь за ним. Но не под пули же лезть!

Впереди показались небоскребы мегаполиса. Издали звуки машин на скоростных трассах образовывали некую мелодию, которую, подслушав этот своеобразный шум в Лондоне так точно воспроизвела группа «Пинк Флойд» в концерте «Стена». Там все виды транспорта словно пробирались сквозь туман.

Но в Сиднее мелодия кварталов была другой. Скорее «вжиканье» автомобилей на хайвях напоминало больше произведение «Полет шмеля» Римского-Корсакова.

Не зря все же мама так упорно таскала меня в музыкальную школу, подумал Клод, въезжая в эту симфонию или какофонию центра Сиднея, вливаясь в нее, – Музыкантом я не стал. Но научил вслушиваться в окружающий мир. Но даже чтобы научиться понимать музыку, надо послушать ее много и разной. И Клод делал это денно и ночью, как бы живя все время в фильме. Он давно понял, что в кино мы так хорошо понимаем суть событий и воспринимаем сложность чувств из-за того, что получаем музыкальное сопровождение игры актеров. Так что

Клод всегда, весь день, имел в ухе наушник плеера. И сейчас ему казалось, музыка его торопила.

Купив, наконец, газету объявлений в ближайшем киоске, Клод ткнул пальцем в первую попавшуюся строчку. Но по этому номеру было занято.

Подгоняемый тревожным ритмом мелодии, стучащим в ушах, будто в висках, одним за другим начинает обзванивать риэлторов. Кто-то не отвечал, где-то было хронически занято. Клод ненавидел куда-нибудь дозваниваться. Поэтому он начинает нервно ходить вокруг машины. Над ним нервно в противоположную сторону кружит его Ангел, зажав на удачу кулаки.

Скорее, скорее, ты должен встретиться с риэлтором и быть далеко от дома в тот момент, когда Жиз убьет маньяк, и ее найдут мертвой!!! заклинал Ангел своего подопечного.

И, наконец, почти подпрыгнув от нетерпения, клацанье в телефонной трубке свидетельствует, что кто-то в конторе риэлторов взял трубку.

– Это «Маастрих-недвижимость»? – обрадовался Клод тому, что дозвонился. – Мне нужно срочно снять квартиру. Или дом. Да... такой площади будет достаточно. Лучше, в престижном районе – там охрана сильнее. Где вы находитесь? Через десять минут буду.

Жиз так и не сказала таксисту, куда ехать, и он больше ни о чем не спрашивал. Вот он выехал на пустынную проселочную дорогу, она уходила за горизонт – и вокруг – не души.

Жизель самодовольно усмехнулась – не ошиблась она в этом водителе – хочет ее изнасиловать. Что ж, примем участие в ролевой игре.

Так ты профессионалка или как, покосившись на ее коленки, спросил волосатый громила.

Женщина, закатив глаза, рассмеялась призывно:

– Профессионалка я по стрельбе. Просто сбежала от мужа, чтобы не убил меня. Из ревности.

Мужчина обрадовался:

– Надо же... Значит, мне повезло.

Жизель не стала возражать:

– Довези меня до мотеля, сладкий. Сними номер на свое имя. И ты поймешь, что тебе не просто повезло, а очень повезло. – Она намекала на то, что гарантировано отдастся.

– Зачем нам мотель? – таксист стал говорить с ней еще более хриплым от предвкушения голосом.

– Ну, постреляешь в меня, например, – она недвусмысленно указала место «выстрела» между ног.

Но мужчина странно скривил рот и засмеялся:

– Да, есть у меня такое хобби – пострелять.

Он вдруг свернул с трассы на проселочную дорогу и остановил машину.

А потом... вынул пистолет и наставил на женщину.

Она с веселым изумлением уставилась на «Гамандрила»: – Оружие то зачем, я итак с удовольствием займусь с тобой сексом.

Маньяк без лишних разъяснений просто нажал на курок три раза. На мертвом лице Жизель так и осталось выражение изумления.

– Газеты читать надо. Меня там называют некрофилом. – сказал трупу маньяк.

За дверцей машины стоял, закрыв лицо руками, Ангел-Хранитель Жиз.

Он подхватил после убийства душу Жизель, от которой остался один огарок, и, слегка приобняв за плечи своей энергетической оболочкой, попросил ее не оглядываться на то, что происходит в машине.

А там маньяк врезался своим членом в мертвую плоть и причитал:

– Будешь знать, как изменять!

Ангел Жиз, уведя душу в безопасное место, по интуифону связался с Ангелом Клода.

– Этот маньяк ее пристрелил, представляешь! А теперь выворачивает матку Жиз наизнанку и протирает ее спиртом. Ужас-то какой! Я... сопровождаю ее душу в чистилище. Убитых ведь прощают, да?

– Это контрабанда с твоей стороны. Но раз уж так получилось – попробуй убедить Престол.

Клод тем временем вместе с агентом – немолодой приятной женщиной в матерчатых туфлях и консервативном костюме без рукавов уже вышел из офиса, где ему показали несколько фото сдаваемого жилья и одну за другой две квартиры.

Его интересовал теперь не только вид из окна, ног и высота забора, наличие лужайки. Он словно в одночасье стал помешанным на чаде отцом.

То ощущение, которое он испытал, когда мчался в клинику, прижав горячее тельце к своей мокрой рубашке, словно сделало его сердце очищенным, обнаженным, как банан. И он понял, что раньше он просто никогда не знал любви. Такой, ради которой можно и на карачках убегать от злобной бабы – только бы кроха не остался один на один с этим миром, в котором может предать даже мать!

Ангел Клода довольный тем, что в нужное время Клод оказался рядом со свидетелем и теперь у него есть алиби для полиции, радостно перевернулся в воздухе. Теперь можно было заняться составлением нового будущего Клода. И он отбыл на совещание с Ангелом Софьи.

На небе Ангелы снова раздвигали на глобусе желаний дорожку в будущее. Они перекоммутировали желания других людей, замыкая контакты синих и зеленых, красных и лиловых друг с другом. Раздвигая проходы между густой травой разноцветных проводов или травинок желаний, делая Клоду зеленый коридор к Софье.

Вокруг было ясное, но белесое небо, в котором этот глобус судеб смотрелся, как букет невиданной красоты. Но на земле его было не видно. Кто-то из небесных поэтов назвал этот глобус «планетой желаний». И так оно и было.

– Первым делом надо его как-то выманить из страны и отправить в тот город, где живет Софья – Сказал Ангел Клода, озадаченно прикидывая, сколько тысяч километров придется вести его подзащитного к цели.

– Поменяем ему профессию?

– Нельзя. Он каскадер. Это не профессия – это мания.

– Слушай, ну почему мы выбрали его. Он же свою жену пристрелить хотел.

– Зато моя-то подопечная своего мужа действительно убила. Хотя иначе бы пострадали невинные люди на дороге. Свекровь ее наняла человека, чтобы испортить тормоза у машины Сони. И тот свое едва сделал. А пьяный сын Тамары оказался в машине случайно – Софья повезла его, пьяного к Иллариону – преступному авторитету. Тот вызвал адвоката.

Так что, обнаружив, что тормоза отказали, Софья решила не рисковать чужими жизнями, и въехала вместе с пассажиром в столб у дороги. Хотела вместе с мужем умереть. Он ее мучил страшно. И вообще, что это за разговоры по обсуждению приказов? Было велено дать Софье «ее» мужчину. А не хорошего человека. Так что он ее и есть «ее». Парный.

Глава третья

Невольно Ангел Софьи затормозил крупный план своей подзащитной на водном экране. – И чего они сходят все с ума? – Ну, синие глаза, русые волосы, маленький нос и большие губы – этот портрет сейчас искусственно воспроизведен у каждой второй молодой девицы, нашедшей спонсора.

Просто у Сонечки в глазах есть глубина. Но ее нужно выстрадать.

И еще Ангел был единственным читателем стихов Софьи. И пока все они были очень умными и не о любви.

Первые зарифмованные строчки девочка написала после похорон родителей.

Любить живых – куда трудней, чем мертвых,
чем только тень, оставленную именем,
лишь только то, что в памяти хорошего
незыблемо оставлено нам ими.
Любить живых – таких непостоянных,
таких смешных и в непогоду тусклых,
неокруженных вялыми цветами,
частенько – скучно, а порою – грустно.
Я алым сердцем, как губами, улыбаюсь
Другому сердцу, что обиженно надулось,
Что б не замаливать убитыми цветами
Свой смертный грех, что смертью стал для друга.

Это ночью, когда их подопечные смотрят заранее подготовленные сны, Хранители снова собрались вместе. И Ангел Сони прочел им эти строки. На этот раз на закрытой на зиму террасе ресторана на крыше московского небоскреба.

После всех неотложных дел у Ангелов, наконец, появилась возможность перемотать назад сюжет жизни Софьи, которая сперва была Воробьева, а потом стала Орлова.

Никто не говорил этого вслух, но все же они для себя хотели бы понять, что она, в конце концов, за птица, и почему именно ей решено было дать второй шанс в жизни.

Услышав про второй шанс, Ангел юной поэтессы припомнил и прочел собравшимся другие ее стихи. Соня их никому никогда не показывала. Да и вообще она всегда была малообщительным человеком. Поэтому взгляды на жизнь не декларировала вслух. И узнать о ней больше можно только из стихов, которые слагались в ее голове во всех важных ситуациях:

Уселися грузные тучи
На синенький пуфик небес
Пружины-деревья прогнулись, скатилась лавина дождя
И осени тихая грусть превратилась в отчаяние ноября.
Пока...
повязанная белой шалью,
по тротуарам, бедная, скользя
Все прибрала и все «пообвязала»
простая служащая женщина – Зима.
Казалось, все теперь пойдет прекрасно
И все случится с чистого листа.
Но быстро исчезает красота:
Под снегом снова мусор проступает,

По прежним стежкам тропки пробивают.

И каждый этой жизни миг

Опять всего лишь только черновик...

Ангелам стихи понравились. Они искренне заплотировали.

Ты никак поэтом был раньше на Земле, коллега, и сам напел девчонке эти строки?

Подколол Ангела Софьи Ангел Клода.

Но Хранитель ответил совершенно серьезно:

– Сочинение, как и любое творчество – всегда идет снизу вверх – от людей на небо, а не наоборот. Так в людях реализуется ген творца, создателя.

Ангелу Жиз не зря показалось, что на счет личности Софьи мнения на небесах сильно разнятся. Поэтому ее Хранитель и пустил в ход стихи – квинтэссенцию души девушки.

Но бесконечно «зубы заговаривать» Ангел Софьи собравшимся на совещание не мог, и деловито спросил, с какого момента они хотят посмотреть ленту судьбы Сони: с рождения? С момента встречи с Павлом.

Пока он спрашивал, маленькая Соня на экране уже залепляла пластырем лапу бродячей собаки – сколько ей тогда было – шесть или семь лет? А вот уже девочка сидит за столом в своей комнате со словарем и переводит какую-то книгу с английского на русский под руководством мамы – деканом факультета. А вот отец Сонечки ведет ее по зоопарку и показывает птиц – Соне нравится орел. Она его жалеет до слез – он – такой сильный, а даже крылья расправить не может. Соня умоляет папу орла купить. Отец уносит плачущую девочку на руках подальше от клетки с птицей. И больше никогда не водит дочь туда, где есть страдающие звери – даже в цирк.

А вот Соня дает одноклассникам списывать с ее тетрадки, и за это ее выгоняют с урока и зовут родителей в школу. Но, едва выйдя из кабинета директора, папа гладит ожидающую его Софью по голове и поощрительно треплет по плечу.

Ангел Софьи ускорил скорость перемотки: в семье явно все нормально, ничего ужасного. Вплоть до того момента, когда в ее двенадцать лет девочка видит, как в выезжающий от ее школы автомобиль с родителями протаранил грузовик. И из салона в открытое окно фонтаном брызнула кровь матери, которой пробило артерию в области горла. И струя била все время, как Софья бежала к машине.

Девочке сделали успокаивающую инъекцию. Но ее русые волосы за короткий момент приобрели пепельные пряди – седину.

Вот приехавшая на похороны тетя, назначенная опекуном Сони, определяет девочку в детский дом, а сама быстро продает квартиру ее родителей и уезжает в родное село, даже не сказав подопечной «до свидания», не то что свой новый адрес племяншке не оставив.

– Мотать дальше подряд или запустить ленту медленно со времени с жизни в детдоме? – уже настойчивее спросил Хранитель Сони, видя, что все заморожены этим вихрем событий, как вращением магического шара.

Коллеги его задумались на минутку. Один даже оторвал кусок облака и сжевал его, как сладкую вату.

– А что, в детском доме была какая-то жесь? Ее что, изнасиловал педагог или парень классом старше? Все же в интернате содержатся не только сироты такого типа как Соня, но и дети преступников, отбывающих срок, подкидыши и мало ли кто еще. Их гены предрасполагают к преступлениям, подлости, предательству, – резонно заметил Ангел Клода.

– Не-ет, – как-то даже оскорбился ангел Софьи, – Я хранил ее свято. Все было образцово, девочка – отличница. Слишком правильная, чтобы это перебивало тот факт, что она натуральная блондинка с прозрачной кожей.

К тому же романтичность у нее в генах.

Вот, например, стихи про игру в снежки. Далеко не детские. Софья тогда впервые влюбилась в педагога по английскому – недавнего выпускника вуза.

Поднимаю с земли
И сжимаю в руках
этот снег,
этот свет,
эти к нам долетевшие вниз облака
Я сминаю и жму,
И бросаю Вам вслед.
Этот легкий снежок –
Он не просто игра
А намек и упрек
И движение вперед
И пока он летит,
Загадаю себе, будет что, если он попадет.

Ангелы деловито спросили у Хранителя Софьи:

– И что, было что-нибудь? Попала?

– Да нет, конечно. Девчонка до встречи с Павлом не жила, а словно не решалась. Вот ее стихи об этом:

Как грустно только собираться жить
Всю жизнь – только собираться жить
Потом – любить
Потом – дружить
Мечтать и ждать – потом.
А если в не свершившихся надеждах,
как в недошитых к празднику одеждах
нам не предстать ни перед чьим лицом:
кто знает, будет ли Потом.

– Заметьте, она предчувствовала, что жизнь будет очень короткой, как и планировалось по прежнему сценарию, но действий никаких не предпринимала. – Прокомментировал ее стихи Ангел.

– Все плохое началось с того момента, когда она окончила школу в детдоме.

Кстати, это в семье дети, волей-неволей, подражают родителям. А те, кто не успел усвоить их модель поведения, могут свою агрессивность реализовать в спорте, а бесхребетность делает их не предателями, а отличными слушателями. Ну а те, кто успел дома натерпеться, попав в нормальные условия, чаще не хотят повторить судьбу криминальных папаш или матерей алкоголиков. Принцип «от обратного». Но вернемся к Соне.

~~Подожди мотать дальше «ленту судьбы». Скажи лучше кратко, реальная любовь у нее случилась хоть раз с ровесником? поинтересовался Ангел Клода.~~

– Не взаимная. Она считала парня другом. А Ринат ее сильно любил и оберегал от всех. Даже от себя.

Вот, сами посмотрите: последняя ночь перед выпуском из интерната для детей-сирот, время после выпускного бала.

На экране из мельчайших водяных брызг ход времени замедлился, «немое кино» стало озвученным.

В актовом зале интерната всюду гремит музыка. Софья вышла за дверь зала, на улицу. Весь вечер простояла у стены. Никто не приглашал ее танцевать. Она не знала, что Ринат угрожал любому, кто к Соне прикоснется, переломать пальцы. Он и сам боясь себя, не решался закружить ее в танце. Но когда Соня вышла за пределы выпускного бала, Ринат и выскочил за ней.

Он – высокий блондин с раскосыми зелеными глазами и высокими азиатскими скулами. Дверь он одной рукой прикрыл, а другой схватил за руку уходящую Соню.

– Чего ты так рано уходишь?

– Тебе-то какое дело, Ринат, ты даже танцевать меня не пригласил ни разу. А еще все говорят, что ты меня любишь с первого класса. – В голосе ее звучала грусть и обида.

Ринат при ее словах развернул Софью, собираясь поцеловать, но она уперлась ему рукой в грудь.

Парень расстроился сильно и искренне.

Я думал, что ты понимаешь. Боюсь дотронуться до тебя. Ты же знаешь, я – парень горячий, не меньше десятка женщин с пятнадцати лет со мной встречались ночами. Да и две наши девчонки. Он помолчал, собираясь с силами, – Это я тебя берег, что б жениться на тебе чистой. И сейчас хочу тебя замуж позвать. У меня квартира есть родительская. Дед в прошлом месяце умер. Будем жить в двушке, детей родим. А? – Ринат приподнял голову девушке, заглянув ей в глаза, – вот тебе кольцо. И он трясущимися руками надел ей кольцо на палец.

– Завтра вместе уедем и послезавтра – в ЗАГС. И он поцеловал Соню так глубоко и нежно, губы его пахли сладким вермутом. Поцелуй был тем ни менее не пьяным, а пьянящим. Так что девушка вся задрожал, будто от холода.

– Замерзла? Ну иди в свой корпус. Завтра с утра поговорим. Мне то после поцелуя с тобой придется как следует с поварихой Варей попрощаться. Ты – то девушка неопытная, тебя таять и таять, – шутливо оправдался он. И он поцеловал ее так сильно и глубоко, что Соня отошла от него на ватных ногах.

Ринат крикнул ей вслед, и в голосе его чувствовалась самодовольная улыбка:

– Я забыл спросить, ты согласна? Если да, то встретимся после завтрака на остановке. Дождись меня обязательно. Я так тебя люблю, что боюсь провозжать в спальню, русалочка ты моя...

Соня шла к своему спальному корпусу, и сердце у нее прыгало в груди. Она и раньше такое переживала, но только когда читала книги о любви или смотрела эротическую сцену в фильме. Она знала, что Ринат – умница. Но любит ли она его? Или судьба специально вела ее к нему через детский дом, чтобы она не ошиблась с выбором. Хотя, что в нем хорошего – бабник. Но завтра она станет женщиной с ним. И во рту у нее стало снова пьяно и сладко.

На взвеси воздушных капель, образующих экран, ангел Софьи нашел нужное место на ленте, как девушка с конским хвостиком прощается с двумя парнями. За ними выходит Ринат. Он чем-то озабочен и просит Софью немного подождать на остановке – он должен купить что-то в дом. Он бежит по магазинам в поисках постельного белья. Потом в аптеку – за презервативами. Он радостный и деловитый.

Соня же за дверь детдома с чемоданчиком, доходит до автобусной остановки и садится растеряно. Время идет, а Рината нет. Она качает ногой в туфлях на каблучке все более нервно.

Вокруг остановки лужи – поздняя весна – время первых гроз и ливней. Мокрые молодые листья окрестных тополей пахнут особо: терпко, сильно. А лужи в бензиновых разводах сияют, как зеркала.

– Эх, как хочется любить, – от всей души вслух сказала она этому синему, отмытому до лазурного глянца небу. И тут, будто в ответ на этот посыл, возле нее останавливается роскошный белый джип.

Довольно молодой мужчина с романтической прической – кудрявыми волосами, собранными сзади в короткий хвост, окидывает эту очаровательную девушку с будто прозрачными на вид волосами оценивающим взглядом. И как при такой внешности можно сидеть на остановке – остается ему непонятным. Глаза только неопытные. Не из тех, кто Крым, и Рим...

Трогательная ее красота и словно бы перетекающий друг в друга движения не могли не впечатлить. Особенно же ловеласа, к тому же всего две недели назад лишившегося своего мужского достоинства.

Бывший Ангел Павла, тоже присутствовавший на встрече Ангелов, до сих пор помалкивал. Его угрюмость была объяснимой. Да, он вынуждено оставил своего Хранимого еще при жизни, после того убийства, которое Павел совершил в день своей свадьбы. Но, все же, именно Хранитель Павла и допустил, чтобы свадьба вообще состоялась. Да еще по такому необычному мотиву, как алиби жениха. Ведь Павла кастрировали, поймав у постели жены Иллариона – роскошной Наны.

И этот факт – попустительство Хранителя.

Тем более, что Ангел Павла сразу догадался о западне. Но решил впустить Павла в дом авторитета: хотел отвадить своего подопечного от чужих постелей, дав его разок избить телохранителям Наны.

Но благие намерения, как всегда привели ад его подопечного: на этом и на том свете. Ведь чтобы сделать вид, что Павел – не Павел, а посторонний мужчина, неожиданно сама Нана, увидевшая, что телохранители их застучали, кастрировала Павла ножом для бумаг. Она сделала вид, что незнакомец хотел ее изнасиловать. Решилась она на это импульсивно. Но план наказать Павла за равнодушие к собственным прелестям у Наны был.

И тут Ангелу Павла пришлось показать коллегам на «ленте судьбы» бывшего подопечного переломный момент его жизни.

Да, за ним всегда водились два греха – он умел врать вдохновенно, делал это часто и поэтому реализовался как адвокат известного преступного авторитета на все сто. Артистичный красавец, он был и любимцем женщин. И супруга авторитета на него запала всерьез. Но Павел делал вид, что этого не понимает, потому что боялся Иллариона. Этот человек с мертвыми глазами, казалось, взглядом мог убить. И уж тем более за невенчанную жену. Ему не полагался брак, но отпустить от себя красавицу с такой роскошной грудью и абсолютно гладкой оливковой кожей Илларион не смог. А уж что чертовка вытворяла в постели!

Хоть она официально и не была в свое время проституткой, а только содержанкой, свои немалые деньги на этом поприще она получала не зря. Скорпионка по знаку Зодиака, она слыла страстной и мстительной. Поэтому спускать адвокату равнодушие к себе она не собиралась. Решила заманить Павла к себе в спальню среди ночи и либо соблазнить его, либо дать своим телохранителям его отделать так, чтобы подпортить смазливое личико.

Нана позвонила Павлу ночью и сказала, что только что убила Иллариона. И просит его тихо и тайно залезть в окно ее спальни для разговора, пока никто не знает еще. Надо ей, дескать, посоветоваться. Разумеется, Павел примчался на зов, растерянный и раздавленный таким известием. Охранники спали, он не стал их будить, а прошел на цыпочках через их будку. Залез в окно, благо это был полуторный этаж, и можно было встать ногой на фундамент.

Нана подала ему руку, так что упал он ей в объятия и вместе они скатились на пол. Причем, женщина была абсолютно голой.

– Возьми меня, – сказала она повелительно.

Адвокат, поняв по сладострастной улыбке Наны, едва видимой в темноте комнаты, что не было никакого убийства Иллариона, страшно разозлился.

– Ну, ты и стерва! Такое придумать ради секса. Ты вообще не в моем вкусе, я люблю белобрысых худышек.

Нана тем временем расстегнула пуговицу на джинсах и потянула молнию вниз.

– Так поэтому у тебя не стоит, красавчик.

– У кого бы стояло в тот момент, когда жена шефа рассказала об его убийстве. Надеюсь, убийства не было. – И Павел потянул молнию вверх, собираясь тихо выбраться обратно в окно.

Но невенчанная жена Иллариона помешала ему, пальцем застопорив процесс. И одновременно потеряв соском груди член в промежности. Но Павел категорично отступил на шаг от распаленной дамочки. И она почувствовала ярость от унижения. Впервые она захотела мужчину и тот ей (ей!) отказал! Подумав секунду, она вдруг заорала что есть сил:

– Охрана, помогите, спасите меня-а-а-а насилуют!

Павел рванул к окну, но запнулся о подножку Наны. Она молниеносно схватила нож для разрезания листов в книге с прикроватной тумбочки и одним ударом отсекала член Павлу. Он заорал так, что стены содрогнулись, и в два прыжка выскочил в окно, метнулся к будке, откуда пока никто не вышел, и бежал, заливая кровью двор с такой скоростью, что охранники за ним угнаться не могли. Они ворвались в комнату, выбив дверь (ведь Нана ее предусмотрительно закрыла на ключ), метнулись к окну, но увидели только спину. Павел вихрем вскочил в свою машину и отъехал. Он зажал пах сперва рукой, потом, отъехав подальше, снял рубашку с себя и «заткнул фонтан».

Он понимал своим раздираемым болью сознанием, что Нана его не выдаст – иначе она даст возможность Павлу оправдаться перед Илларионом. И он ему поверит. Поэтому женщина совет про незнакомца.

Но не дурак же Илларион – он поймет, что это кто-то из своих. А таких красавцев в группировке всего два – второй его коллега и партнер по адвокатскому бизнесу. Так что к врачу ехать было нельзя. Но он знал поблизости ветеринара – парень был его одноклассником. К нему-то Павел и поехал за анестезией и на операцию. Так ему удалось скрыть, что якобы насильником жены босса был он.

Нана, поразмыслив, решила не сообщать мужу о том, что в спальне был Пашка-красавчик. А вдруг этот холодно-жестокий человек поверит своему адвокату, а не любимой женщине. Кого тогда он убьет? Лучше прослать кем-то вроде Клеопатры, ради ночи с которой мужчины готовы пробираться в логово мафии и жертвовать жизнью, пытаясь заполучить Нану.

Павел же почти две недели со страшными болями появлялся на людях.

Мать румяна на лицо ему наносила, чтобы скрыть бледность. Но долго водить за нос Иллариона мать и сын не рассчитывали. Поэтому коварная «царица Тамара» – тоже в прошлом адвокатесса по профессии, придумала сына срочно женить на нуждающейся в жилплощади провинциалке. Мать ведь понимала, что сыночка ее убьют, если узнают о том, что это он был в спальне фактически жены преступного авторитета.

– Ну ладно, в другой раз вернемся к ленте твоего подопечного. – С сожалением вздохнул Ангел Софьи, – Нам про Сонечку надо скорее досмотреть, чтобы понять, кого ж ей надо! – Ангелы фактически отпустили коллегу, который с сожалением погасил экран из водных капель. Было видно, что Хранитель все еще скучал по этому повесе и бабнику, сочинителю лживых сказок.

Когда он растворился в ночной звезде, остались у экрана, показывающего «ленту судьбы» Сони только «заинтересованные лица».

Остался по их просьбе и Ангел Рината. Это был хрупкий немолодой мужчина. Во время своей жизни в человеческом облике он был круглым сиротой с рождения. Отец погиб в Афганистане, когда мать была беременной, а мать умерла при родах. Поэтому когда он, будучи пожарным, погиб в огне, спасая старушку, и стал Ангелом, то его приставили к такому же круглому сироте – ребенок выжил в автокатастрофе, в которой погибли мать и отец, когда Ринатке было почти два года. И с дедом в квартире малыша, естественно, не оставили, а отправили в детский дом. А оказалось, что дед прожил еще 17 лет, и внук его регулярно навещал, ухаживал

за стариком, как умел. И завещание, само собой, написано было дедом только единственного внука.

– Давайте мы теперь вернем Рината Софье, а? Зачем импортировать из Австралии незнакомого ей человека. Ведь по прежнему сценарию им предстояло быть счастливыми вместе. Просто тогда он решил купить постельное белье. Дома-то все было старенькое. К тому же и умерший дед на нем спал – как же на такое положить любимую в первую их ночь?! Но Ринат не знал, где продают простыни и пододеяльники – в интернате для детей-сирот все было казенное, выдавалось по субботам. А откуда бралось – сие ему было неизвестно. Как и многие другие бытовые вещи. Поэтому он торопливо и хаотично перебежал из магазина в магазин, стесняясь спросить у прохожих такую для всех очевидную вещь, как то, где можно купить все для спальни и ванной.

Из-за этого и задержался так надолго. А тут черт принес Павла. В полном смысле этого слова.

– Эх, если б меня не кастрировали из-за дочки босса, эту бы я мог взять в настоящие жены. Ее словно в Байкале с песком промыли... – именно так подумал Цинично-ироничный Павел. – А теперь надо делать вид, что я что-то могу «в койке» – ведь босс до сих пор ищет того типа, который сбежал тогда от охраны. – Это было первое, что подумал Павел, взглянув на Сонечку, которая сидела на остановке и явно нервничала от того, что кого-то ждала.

Знала бы девушка заранее, что в судьбе ее было четко прописано – дожидаться Рината. И все бы в ее жизни было бы не долго, но очень хорошо. Но тут перед ней возник типичнейший соблазн – принц на белой машине такой вот уж точно «дьявольской» красоты, что не в сказке сказать, не пером описать. И она повелась. Хоть Ангел и вопил ей в уши – не нужен он тебе, маленькой глупышке.

Ангелы быстро прокрутили сегодняшний день Рината. И оказалось, что он теперь женат и супруга ждет ребенка. Так что предложение они отклонили – тем более, что Ринат и Алиа должны были и в прежнем сценарии встретиться и пожениться после смерти Сони при родах.

Поэтому кандидатуру бывшего судьбоносного мужчины забраковали. И вернулись к просмотру событий знакомства Софьи с Павлом.

Начали с того места, когда размышления Павла, остановившего машину напротив девушки на остановке, прервал гудок подъезжающего к остановке, где его джип остановился, автобуса. Надо было отъезжать. И он решился. Проехал чуть вперед, вышел красиво из джипа, прекрасно зная, что нет такой женщины, которая отвела бы взгляд от его лица. Медленно, грациозно и плавно, чтобы не спугнуть «дичь» прошествовал к Софье, и еще не сказав не слова, подхватил ее чемодан и сделал ей жест рукой – следовать за ним.

– Садитесь, хочу подвезти на вокзал или в аэропорт, куда вы собрались.

Ангел ее закружил над их головами, как вспугнутая птица. Он увидел за кроною деревьев своего небесного коллегу, который махал руками крест на крест, торопливо и испуганно. Даже про интуифон забыл.

Явно это значит, что уходить Соне с ним ни в коем случае нельзя. И он просто заорал это в ухо Софье. И ей передалось его испуганное состояние:

– Я вообще никуда не еду, – девушка вцепилась в ручку чемодана с другой стороны от руки Павла. – Я жду своего парня.

Ей странно было думать о Ринате, как о бой-френде. Отношение ее к нему до вчерашнего дня все же было братским или дружеским, не более. Пока поцелуй не разубедил ее в том, что она не была влюблена в него тайно даже от себя самой.

Павел, услышав про парня, решил, что надо действовать быстро и решительно. – Но разве я не лучше него? И намерения у меня более чем серьезные. Мне нужно жениться уже сегодня – так сложилось, и я выбрал тебя с первого взгляда. Давай быстрее, в машине поговорим, видишь, автобусу мой джип мешает.

И эта тактика сработала. Софья бегом кинулась к джипу, открыв дверцу и для чемодана, чтобы Павел быстрее закинул его в салон.

В салоне роскошной машины приятно пахло ванилью от освежителя с запахом розы, прикрепленного к зеркалу.

София осматривалась внимательно. Она словно примерила на себя обещанную ей незнакомцем жизнь.

Внутренний голос панически вопил: – Что ты делаешь?! А Софья мысленно ему отвечала, что «успех» – он от слова «успеть». Она ведь и Ринату вчера не сказала «да», да и он пропал надолго – может, передумал звать ее с собой и сбежал? Куда ей тогда податься?

Павел решил брать быка за рога.

– Если ты не хочешь за меня замуж, то могу отвезти тебя домой – не бойся меня. – Да, рядом с неопытной красавицей сидел прожженный сердцеед с внешностью киногероя. И вопли своего внутреннего «я» Софья просто проигнорировала. И решила тоже быть честной. Собственно, другому ее никто и не учил.

– А у меня дома нет. Я – детдомовская. Меня выпустили... на улицу. Квартиру родительскую уже продала тетя. Вот определюсь, устроюсь учиться или на работу, может, общежитие дадут. А пока я живу нигде и на автобусе бы поехала в никуда...

Глаза ее были какими-то отстраненными в этот момент, будто смотрели на что-то очень синее, с фиалковым оттенком. Странного цвета довольно светлые волосы казались отлитыми из струй чистой проточной воды или из дождя.

Павел явно обрадовался – девица – то живет вообще без присмотра! и при этом так хороша, что никто не заподозрит его в других мотивах женитьбы, кроме пламенной любви и жгучей страсти.

И если убить эту сиротку придется, чтобы она не выболтала его секрет, так и тогда никто не хватится!

Но вдруг она уже натаскалась по улице? Впрочем, половой контакт с ней все равно ему не грозит, увы.

И давно ты... бомжусь? осторожно спросил он.

Софья что-то прикинула в уме, взглянула часы в машине.

– Да уже больше часа.

Павел, решившись, цинично осмотрев красавицу еще раз:

– Ты-то мне и нужна... Я на тебе, правда, женюсь, я не шутил. Прямо на сердце легла. Дай-ка мне твой паспорт посмотреть.

Она безропотно открывает сумочку и отдает ему паспорт, только для того, что б он ее не боялся:

– Вот паспорт. Не думая, что я какой-то бомж.

Павел облегченно вздохнул и отдал паспорт девушке. – А ты здорова, ну, по – женски?

Софья невольно разозлилась из-за его тона барышника, выбирающего лошадь.

– Думаете, раз детдомовка, то проститутка? А вообще девушка еще. В физиологическом смысле. Хотите, к врачу заедем – на спор!

Павел опешил.

– Ты какая-то... принцесса сказочная. Таких не бывает! Что б с такой фигурой, да в детдоме... Может, у вас там одни женщины работают?

Софья наивно не была, а уж читала-то все и про все, даже «Камасутру» с ее возбуждающими картинками соитий. Для нее не было секретом, как мужчины в фильмах и романах добиваются девичьего тела.

– Не надейтесь меня разозлить и попросить вас проверить, девушка ли я. Этот номер не пройдет. Я своей жизнью поклялась, что только в брачную ночь и только с любимым лишусь плевы.

Павел засмеялся, снимая напряжение: – А с любящим как – никак и не за что? А у меня есть шансы стать твоим любимым? Дай – ка, я тебя поцелую, что б ты знала, что тебя ждет.

И, не дожидаясь ответа, раздвинул ее губы языком, пососал нижнюю – особенно аппетитную, и потом захватил в плен обе и словно их выпить хотел до дна. У него заболел низ живота. Крошечный остаток его бывшего пениса даже дернулся, вызвав боль и отрезвив. А вот Софья просто растаяла от прикосновения его губ. Почувствовала она и то, как резко он отстранился от нее, и как все тело ее стало будто ватным, глаза застлали слезы.

Ангел Софьи не сдавался, нашептывая ей:

– Нет у тебя с ним шансов на счастье!!!

Но глаза, обращенные на красавца, да еще передвигающегося на белом джипе, влажно поблескивают. Она самой себе призналась, что готова отдаться этому великолепному мужчине прямо здесь и сейчас, ее принципы не выдержали даже одного поцелуя с опытным плейбоем.

Ген Золушки, а так же ген Спящей Красавицы вводится, видимо, во всех девочек, даже в тех, кому он не пригодится. Потому что и в убогом теле может жить мечта о мачо или хотя бы о ком-то, кто даст ей почувствовать оргазм.

Хотя бы чтоб продолжать жить, участвуя в том стечении событий, где им отведена роль матери ли одиночки, которая родит известного политика или бедной художницы, чья картина после смерти станет открытием нового направления живописи.

Соблазн же Софьи был столь велик, что вот именно сбил Сонечку с пути истинного. Чем и страшны соблазны – они отвращают от судьбы, в кювет они ведут всех решившихся на грех прелюбодеяния. Но как раз этот грех теперь и не входил в планы Павла. И красавица не должна заподозрить что-то не то.

А Софья решила, что сама судьба решила ее подхватить на руки и унести в блаженство.

Как часто мы все вляпываемся в настоящие беды, пытаясь избежать меньшей неприятности: попадаем под машину, решив обойти лужу на дороге, хотим замуж за богатого и красивого, игнорируя прочие его качества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.